

Он избавляет от скорбей и несчастий, помогает путешествующим, устраивает браки и семейное счастье.

«Няня из Москвы» – это произведение о пути страданий и искушений в изгнании. Показательно, что Николай Угодник является еще и помощником в избавлении от вражеского плена. В романе понятие «плен» представляется неоднозначным: это и вынужденная жизнь на чужбине, и плен русских офицеров, и плен предубеждений, который не дает молодым героям соединиться и достигнуть счастья. Старая няня помогает своей воспитаннице преодолеть внутренние преграды, пленившие ее чувства. Молитва Николаю Угоднику «во всех нуждах» приводит к желанному завершению сюжета.

И.А. Ильин писал: «Писатель запечатлел не просто красоту народной души, но цельное православное мировоззрение, подлинно христианский взгляд на мир и человека» [6, с. 397]. Думается, исследователь имел в виду и роль в православном сознании героев Шмелева, и образы Святых.

Роль образа Николая Мирликийского в архитектонике и идейном смысле романа И.С. Шмелева «Няня из Москвы» несомненна. Введением его писатель достигает глубокого погружения в истоки национального православного сознания, что делает это произведение истинным образцом «духовного реализма». «Важнейшее качество нашей отечественной словесности – ее православ-

ное миропонимание, религиозный характер отображения реальности. Религиозность литературы проявляется не только в связи с церковной жизнью, и не в исключительном внимании к сюжетам Священного писания, а в особом способе воззрения на мир...Православие устанавливает единственно истинную точку зрения на жизнь, и эту точку зрения усваивает русская литература в качестве основной идеи, становясь таким образом православной по своему духу» [10, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья. – Ставрополь, 2001.
2. Венок Шмелёву (Российский Фонд Культуры Институт Мировой Литературы РАН) Фонд «Москва-Крым». – М., 2001.
3. Вознесенский А., Гусев Ф. Житие и чудеса св. Николая Угодника и слава его в России. – СПб., 1899.
4. Житие свт. Николая Чудотворца. Жития святых и подвижников благочестия. – М.: Оранта, 2010.
5. Избранные жития святых. – СПб., 2008.
6. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6, кн. 2. – М. 1996.
7. Избранные жития святых. – СПб., 2008.
8. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. I. – М.: Русская книга, 1998.
9. Шмелёв И.С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 3. Рождество в Москве: Роман. Рассказы. – М.: Русская книга: Известия, 2004.
10. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII - XX веках. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003.

УДК 821.111

Шими́на Е.В.

СИМВОЛИКА ЦВЕТА И СВЕТА В РОМАНЕ Т. ХАРДИ «ДЖУД НЕЗАМЕТНЫЙ»*

Аннотация. Статья посвящена символике цвета и света в романе Т. Харди «Джуд Незаметный». Особый интерес писателя к изобразительному искусству явно прослеживается на страницах романа. Основную символическую нагрузку в сюжетно-композиционном строе романа несет триада «бурый – серый – черный». Цвет и свет оттеняют значимые моменты повествования. Дневной свет выделяет счастливые моменты в жизни персонажей. В цветовой гамме романа выра-

жено отношение Харди к церковным догмам. Цвета и свет олицетворяют церковные догматы, ту самую букву, которая убивает главного героя.

Ключевые слова: Томас Харди, Джуд Незаметный, символика цвета и света, изобразительное искусство.

E. Shimina
SYMBOLISM OF COLOUR AND LIGHT
IN "JUDE THE OBSCURE" BY THOMAS HARDY

* © Шими́на Е.В.

Abstract. The article focuses on colour and light symbolism in Thomas Hardy's novel "Jude the Obscure". Hardy's particular interest in visual arts leads to the development of deep symbolism of colours and light in the novel. Its message is carried by the triad of colours "brown, grey, black". The colours and light highlight the most significant moments in the narration. The light patterns highlight positive moments in the life of main characters and the colours and light demonstrate his attitude to dogmas. The colours and light express the dogmas, the letter, which kills the main character.

Key words: Thomas Hardy, Jude the Obscure, colour and light symbolism, visual arts.

На формирование художественного мышления Томаса Харди (Thomas Hardy, 1840 – 1928) серьезное воздействие оказало увлечение изобразительным искусством, благодаря чему жизненные перипетии героев его произведений находят свое цветовое и световое решения. Особое отношение к цвету и свету появилось у писателя в детстве. В зрелом возрасте Харди не раз делал карандашные наброски дома, в котором родился; вместе с супругой Эммой они часто отправлялись на прогулки, целью которых было запечатлеть великолепные пейзажи, встречавшиеся им на пути. Став учеником местного архитектора, Харди совершенствуется в чертеже и рисунке. Работая в церквях, он исполняет обязанности не только архитектора и чертежника, но и рисовальщика. Харди неоднократно делает зарисовки к своим поэтическим произведениям, сопровождает картами свои романы. Он собственноручно проектирует дом, Макс Гейт, где напишет романы «В краю лесов», «Тэсс из рода д'Эрбервиллей», «Джуд Незаметный», эпическую драму «Династы» и множество поэтических работ.

По справедливому замечанию Р. Вебстера, «визуальное воображение Харди в сочетании с инновационными техниками, которые он обнаружил в изобразительном искусстве, особенно в картинах Тернера и художников-импрессионистов, оказывали влияние на его литературную технику и формирование романа» [1, с. 20]. Говоря о влиянии творчества Тернера на роман «Джуд Незаметный» ("Jude the Obscure", 1895), важно обратить внимание, что, несмотря на отсутствие ссылок и намеков на пейзажи художника, тематика романа имеет много общего с поздними работами Тернера: это столкновение современности и традиций, противопоставление готичес-

кого стиля романскому в архитектуре, роль механизмов в жизни людей – особенно транспортных средств, железной дороги.

В названии романа – «Джуд Незаметный» – присутствует определенный «цветовой» или, лучше сказать, обозначающий отсутствие цвета смысл. Одно из значений эпитета *obscure*, который романист выбирает в качестве дополнения к имени героя в заглавии произведения, – темный. Само же слово *obscure* происходит от латинского *obscurus* – темный. Цветовая гамма романа рождает ощущение безысходности. Основную символическую нагрузку в сюжетно-композиционном строе романа несет триада «бурый – серый – черный».

Действительно, с первых страниц произведения возникает ощущение постоянно присутствующей тьмы, сквозь которую лишь изредка пробиваются лучи света. Сравним романы «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» и «Джуд Незаметный», можно говорить о том, что первый представляет собой живописное полотно, наполненное множеством различных оттенков: от самого светлого до самого темного. Последний же более походит на графический рисунок с тонкими четкими линиями и строгим орнаментом, который образуют геометрические формы произведения. «Джуд», несмотря на присутствие некоторых цветных оттенков, скорее, роман монохромный. Художественное пространство романа необычно: Харди наполняет его архитектурными формами, которые складываются в строгий рисунок. Ф.А. Абилова справедливо замечает, что, «расположив фрагменты архитектурной формы рядом в свободном порядке, четко отделив их друг от друга, сталкивая вертикальные и горизонтальные элементы, Харди создает картину как нарисованный коллаж» [2, с. 72].

«Цветовая» гамма романа формировалась в художественном сознании Харди постепенно. Писатель долго обдумывал сюжет и структуру романа. Еще до появления «Тэсс», 28 апреля 1888 года Харди упоминает о молодом человеке, «который не мог попасть в Оксфорд» [3, с. 226]. Встретившись с издателем в Лондоне, романист направляется в Беркшир, в деревню, где в детстве проживала бабушка романиста по отцовской линии. Место называлось Грейт Фаули (Great Fawley), впоследствии, вероятно, Харди использовал часть названия для фамилии главного героя в «Джуде». Подъезжая к деревне, романист записывает в дневнике: «Въехал во вспаханную

долину, которая могла бы называться Долиной Бурой Меланхолии» [4, с. 301]. В предисловии к первому изданию Харди пишет: «История этого романа ... такова. Его общий план был набросан еще в 1890 году на основе заметок, сделанных в 1887 году и позднее... Место действия я вновь посетил в октябре 1892 года; в черновом варианте роман сложился за 1892 год и весну 1893 года» [5, с. 5].

Бурый – один из основных цветов романа. Джуд с самых ранних лет оказывается погруженным в мрачную атмосферу Мэригрин: *Вокруг него бурые склоны поля тянулись к небу и постепенно исчезали в дымке, которая стирала подлинные границы и подчеркивала пустынность места. Однотонность пейзажа нарушал только прошлогодний стог, возвышавшийся среди поля, да грачи, поднявшиеся при его приближении...* [6, с. 14]. Единственное напоминание о том, что в деревне еще теплится жизнь – зеленая трава на лужайке, однако и здесь возникает ощущение смерти, гибели: *эта самая лужайка с незапамятных времен служила кладбищем* [7, с. 11]. Бурый цвет является одним из оттенков коричневого, который традиционно связывается с безнадежной печалью, подавленным состоянием духа, пессимизмом. Мироощущение маленького Джуда, оказавшегося на огромном поле Траутема, на *бурой поверхности пашни*, проникнуто отчаянием и унынием. Несчастный мальчик-сирота искренне не понимает, почему на большом фермерском поле нельзя найти пропитание нескольким голодным птицам. Джуд остро чувствует свое одиночество. Бабке Друзилле, как кажется, вовсе нет до него дела. Единственными друзьями оказываются грачи, которых он, по приказу Траутема, должен отпугивать трещоткой.

Описание места действия и душевное состояние Фаули обнаруживают связь с картиной французского художника Ж. Бастьен-Лепаж «Бедный мальчик» (“Pauvre Fauvette”, 1881), которую писатель мог видеть на одном из многочисленных вернисажей, которые посетил во Франции. На полотне изображен мальчик, стоящий на поле, огромный размер которого подчеркнут линией горизонта, где граница между небом и землей практически стерта, и создается впечатление, что небо является продолжением поля. Цветовое решение картины ограничено зелено-коричневыми оттенками. Мальчик закутан в серо-коричневое покрывало, руки ребенка сложены так, будто он пытается отгородиться от вне-

шнего мира, спрятавшись в свою накидку. На лице ребенка тоска. По словам Дж.Б. Баллена, критика обвиняла французского художника в пренебрежении красотой, в том, что он акцентирует в природе безобразное [8, с. 244]. В том же ключе высказывается и маленький Джуд в отношении родной деревни (*Как здесь ужасно! / how ugly it is here!* [9, с. 18]). Восклицание Фаули органично вписывается в контекст романа и перекликается с полотном Ж. Бастьен-Лепаж.

Бурый цвет всегда сопутствует главным героям романа Джуду и Сью, характеризует их внутренний мир. Особая склонность героев к меланхолии (именно бурый цветом окрасил это чувство романист в дневниковых записях) обусловлена их наследственностью. Харди обращает внимание на взаимоотношения родителей Фаули, его родственников. Жизнь одного из них обрывается у места, символического именно в цветовом плане, на холме у «Бурого Дома» (“Brown House”). После смерти супруга его жена теряет рассудок. Эту историю Сью и Джуду рассказывает вдова Эдлин накануне их бракосочетания, а из уст маленького Старичка звучит совет: *Будь я на вашем месте, мама, я бы не вышел замуж за папу* [10, с. 291]. Родители Фаули расстаются у стен того же здания.

По словам Г. Ли, фотографа и друга Харди, «бурый дом, известный в народе как Красный дом, расположен по дороге к Грейт Фаули, т. е. деревне Мэригрин в романе» [11]. Писатель в названии здания не случайно заменяет яркий, энергичный, полный жизни красный более спокойным, пасмурным бурый. Бурый, как цвет, сопутствующий состоянию разочарования и депрессии, по сути, разлучает мать и отца несчастного Фаули: именно на холме возле Бурого дома они повздорили и разошлись, позже миссис Фаули умерла, а мистер Фаули так и не вернулся в «родные пенаты». У некоторых народов бурый как вариант коричневого цвета реализует символическое значение, близкое к черному, темному и, соответственно, сопутствует состоянию глубокой печали, смерти. Образ бурого дома становится лейтмотивным не только в отношениях родителей Джуда, но и в его собственной семье. Во время первой прогулки Фаули и Донн преодолевают расстояние от Бурого дома и обратно. Поженившись, они подбирают жилье неподалеку от того самого дома, что в символическом плане уже предвосхищает последующее их расставание.

Как уже было отмечено, бурый и корич-

невый раскрывают свое символическое значение не только по отношению к семейству Фаули, но и по отношению к самой Сью. Филотсон заставляет Брайдхед поклясться ему в любви *на маленьком Евангелии в коричневом переплете* [12, с. 413]. Харди не случайно упоминает цвет издания. Цвет обложки книги в данном контексте обретает символическое значение угнетенности, бессилия, ведь несчастная Сью клянется в любви к человеку, к которому испытывает только жалость, а ее обретенная после гибели детей вера становится причиной расставания с Джудом.

Значительное место в цветовой гамме романа занимает черный. Именно этот цвет является атрибутом тьмы. Одна из его ипостасей в произведении – темнота. В романе «Джуд Незаметный» дневное светило словно уходит на второй план, отдавая себя во власть городского пейзажа, ловко скрывающего солнечные лучи за стенами и крышами. Например, в Крестминстере небо практически закрыто от обозрения, видны лишь шпили, фонтаны, часовни. В Мелчестере Джуду *солнечный свет казался тускло-серым, а голубое небо – цинкованным* [13, с. 221]. Солнечный свет словно не может проникнуть в души несчастных героев. Его лучи постоянно сталкиваются с различными «преградами» на своем пути. Солнечным и пыльным оказывается день посещения выставки передвижного макета Иерусалима. *День был туманный* [14, с. 134], когда Джуд навел кузину в педагогическом колледже.

Единственный раз, когда свет оказывается действенным, это встреча юной миссис Филотсон с разведенным Фаули, когда они направляются навестить Друзиллу: *Джуд еще ни разу не проходил здесь со Сью, зато часто ходил с другой. Но теперь он словно нес с собой яркий светильник, который на время рассеял темные тени прошлого* [15, с. 235]. День свадьбы Фаули и Брайдхед *был серый и холодный, липкий туман тянулся над городом* [16, с. 350].

Своего апогея дневная «тьма» достигает в момент возвращения семьи Фаули в Крестминстер, когда *небо затянулось свинцово-серыми тучами* [17, с. 401]. *Кроваво-красные мантии* (“blood-red robes”) подъезжающих к дверям колледжа людей, словно красное зарево, создают зрительный образ неба, где нет солнца, неба, залитого кровью. Так, красный становится предвестником будущей смерти. Харди усиливает трагизм ситуации, отправляя семью Фаули в здание рядом с Саркофаг-

колледжем (Sarcophagus College). Сью может наблюдать за строением из окна съемной комнаты. И, действительно, архитектурный облик учебного заведения напоминает усыпальницу: *Прямо перед ней высились черные глухие стены Саркофаг-колледжа, – безмолвные стены, пережившие четыре столетия мрака, фанатизма и упадка, вторгались в ее маленькую комнату, ночью заслоняя лунный свет, а днем – солнечный* [18, с. 412]. Именно здесь, между маленьким, но чересчур мудрым, Старичком и Брайдхед происходит откровенный разговор. На следующий день всех детей нашли мертвыми. В красно-коричневом платье (brown and red clothing) Сью провожает в последний путь детей. Красный в романе непосредственно связан с кровью, олицетворяет гибель.

Темная гамма постепенно сгущается к финалу романа. Брайдхед, одетая в черное, горюет по детям в церкви, где царит полный мрак. Облик Сью в доме Божьем резко контрастирует с ее обликом до трагедии. В воспоминаниях Друзиллы ее племянница – маленькая девочка в светлом платьице. Светлый туалет на девушке и во время посещения выставки передвижной модели Иерусалима и сельскохозяйственной выставки, где все семейство Фаули любит розы.

В отличие от платья Сью, Харди описывает траурный облик Арабеллы с иронией: ее черный наряд не сочетается с неестественно красным лицом. Черный встречается и в одежде Джуда в двух эпизодах романа: свадьбе Брайдхед и Филотсона (заметим, что, несмотря на бедственное положение, это было не единственное одеяние Фаули – на выставку макета Иерусалима он отправляется в светлом костюме) и гибели детей. Завершает темную гамму внешность Джуда: *длинные ресницы, темные брови, волнистые черные волосы и борода* [19, с. 471].

Таким образом, в романе доминирует монохромная гамма. Свет Крестминстера, который так привлекает черноволосого Джуда, растворяется среди серых зданий; в городе *на фоне черного неба вырисовывались в отблесках фонаря башенки* [20, с. 98]; нет радости от совместной жизни с Арабеллой, по утрам наступает *мертвенно-бледный рассвет* (the dreary light of a dawn); туманные дни «сопровождают» время, проведенное с Донн и Брайдхед; в Мелчестере солнечный свет кажется герою тусклым, небо цвета цинка. Как и Дарбейфилд, Фаули преследуют *темные тени прошлого* [21, с. 235]; Сью прячется от

Филотсона в полутьме тумана. Практически в каждой главе романа присутствуют эпитеты со значением «темный», «черный». Лишь изредка красота природы со всей ее живописностью, различными оттенками цветов открывается взору Джуда, когда он выходит из темных переулков Кристминстера. Город в романе – скопление колледжей и соборов, место, где люди учатся, как «правильно», по букве служить Господу. Город – это олицетворение религиозных догматов, следуя которым, человек может навсегда лишиться себя радости жизни, потерять способность видеть ее краски. Так происходит с Джудом и Сью: красоту природы, ее живописность, естественность окружающего их мира герои видят, только покинув стены «Небесного Иерусалима». Так, в образ города Харди «закладывает» противоречивую символику: Фаули искренне верит в то, что Кристминстер – город света, но на деле он оказывается средоточием тьмы. Способностью видеть свет там, где он отсутствует, Харди наделяет и Сью. Навещая больного Филотсона, уже живущая вместе с родственником девушка обращает внимание на чудесный, как ей кажется, закат красного солнца: *Я уверена, что это вас развеселит... я так на это надеюсь!* [22, с. 259]. Однако это солнце оказывается предвестником последующей несчастливой жизни учителя. В системе символов Харди солнце непосредственно связано с огнем. Эта связь в «Джуде Незаметном» указывает на библейский подтекст романа. Согласно Книге Книг, *Бог наш есть огонь поядоющий* [23, с. 273]. Он отвечает на молитвы посредством огня (достаточно вспомнить случай с Илией и пророками Ваала). Так, красное солнце становится олицетворением своеобразного наказания, которое Филотсон понесет за нарушение закона, которое он совершает, отпустив Сью. Страдания Ричарда по силе равны терзаниям «грешника в аду», с которым его сравнивает писатель.

Самым ярким «отступлением» от монохромной гаммы в романе становится праздник, куда отправляется Арабелла, оставляя больного Фаули. По справедливому замечанию С.В. Коршуновой, «лишь один эпизод поражает воображение читателя пестротой и многоцветьем – день смерти Джуда, когда мир, чувственный и живописный, как бы возвращает себе свои права, властно заявляет о себе» [24, с. 139]. Тьма действительно рассеивается в финале романа, когда наступает праздничный день. Разноцветные краски, громкие звуки в День воспоминаний проти-

вопоставляются бледному лицу умирающего Джуда и могильной тишине в комнате героя, праздник словно проходит мимо камнереза, олицетворяя жизнь, которую ему не суждено ощутить. Выстраивая такую оппозицию, писатель подчеркивает тщетность жизненных устремлений Фаули; его попытка жить, следуя «букве», останавливает его духовное развитие, оканчивается поражением.

Таким образом, в романе «Джуд Незаметный» можно выделить несколько функций цвета и света. Цвет и свет в произведении создают внутреннюю драматургию, оттеняют значимые моменты повествования. Цвета функционируют в качестве своеобразных масок персонажей (например, в случае с траурным платьем Арабеллы). Они, с одной стороны, скрывают истинное лицо персонажей, а с другой, разоблачают их (черный костюм Джуда на свадьбе Сью). В этом случае цвет, наоборот, «окрашивает» негативные черты его характера, недостойное поведение. Цвета и свет передают эмоции героев, особенно тех, чья «роль» в произведении не включает в себя определенного психологизма. Тяготение персонажей к определенному цвету может «открыть» читателю глубинную суть действующих лиц. Пессимистичное восприятие Харди церковных учений, особенно церковных догматов, получает в романе зримое воплощение. Темные тона в романе олицетворяют церковные догмы, ту самую букву, которая убивает главного героя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Webster R. From painting to the cinema: visual elements in Hardy's fiction // T.R. Wright Thomas Hardy on Screen. – Cambridge: CUP, 2005. – P. 20.
2. Абилова Ф.А. Роман Т. Гарди «Джуд Незаметный»: предчувствие кубизма // Литература XX века: итоги и перспективы изучения. Материалы Четвертых Андреевских чтений. Сборник научных статей. – М.: Экон-Информ, 2006. – С. 72.
3. Hardy F.E. The life and work of Thomas Hardy, 1840 - 1928.- London: Macmillan, 1962. – P.226.
4. Ibid. P. 301.
5. Гарди Т. Джуд Незаметный: роман: [пер. с англ.] / Томас Гарди. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 5.
6. Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А. Кривцовой; Состав. Ю. Сенчурова; Примеч. Е. Ланна, Ю. Сенчурова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – С. 14.
7. Там же. – С. 11.
8. Bullen J.B. The Expressive Eye: Fiction and Perception in the Work of Thomas Hardy. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – P. 244.
9. Hardy T. Jude the Obscure. – London and Basing-

- stoke: Macmillan London LTD, 1973. – P. 18.
10. Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А.Кривцовой; Состав. Ю.Сенчулова; Примеч. Е.Ланна, Ю.Сенчулова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – С. 291.
 11. Lea H. The Brown House [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.victorianweb.org/photos/hardy/49.html> данные соответствуют 29.05.2010.
 12. Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А. Кривцовой; Состав. Ю. Сенчулова; Примеч. Е. Ланна, Ю. Сенчулова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – С. 413.
 13. Гарди Т. Джуд Незаметный: роман: [пер. с англ.] / Томас Гарди. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 221.
 14. Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А. Кривцовой; Состав. Ю. Сенчулова; Примеч. Е. Ланна, Ю. Сенчулова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – С. 134.
 15. Гарди Т. Джуд Незаметный: роман: [пер. с англ.] / Томас Гарди. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 235.
 16. Там же. – С. 350.
 17. Там же. – С. 401.
 18. Там же. – С. 412.
 19. Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А. Кривцовой; Состав. Ю. Сенчулова; Примеч. Е. Ланна, Ю. Сенчулова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – С. 471.
 20. Гарди Т. Джуд Незаметный: роман: [пер. с англ.] / Томас Гарди. – М.: АСТ: АСТ Москва: Транзиткнига, 2006. – С. 98.
 21. Харди Т. Собрание сочинений: В 8 т. Т.8: Джуд Незаметный: Роман / Пер. с англ. А. Кривцовой; Состав. Ю. Сенчулова; Примеч. Е. Ланна, Ю. Сенчулова. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – С. 235.
 22. Там же. – С. 259.
 23. Послание к Евреям 12: 29 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета канонические. – М.: Российское библейское общество, 2008. – С. 273.
 24. Коршунова С.В. Томас Гарди – романист (проблема трагического): дис. ... канд. филол. наук / С.В. Коршунова. – М., 1992. – С. 139.

УДК 82.0; 82.09

Савинич С.С.

РОМАН Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ»: ПАРАДОКСЫ АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ*

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы определения и понимания такого концепта, как «Американская мечта», и его реализации в американской литературе. В статье также предпринимается попытка выявить парадоксальную сущность Американской мечты относительно результатов ее практической реализации героем романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, «Великий Гэтсби».

Ключевые слова: Фицджеральд, Гэтсби, Американская мечта, парадокс.

S. Savinich

“THE GREAT GATSBY”, A NOVEL OF F. FITZGERALD, REVEALING THE PARADOXES OF THE AMERICAN DREAM

Abstract. The following article is dealing with the problems of definition and understanding of such concept as “American dream” and its interpretation in the American literature. The article is also undertaking an attempt to re-

veal the paradox of American dream in relation to the results of its practical realization by the protagonist of Francis Scott Fitzgerald’s novel “The Great Gatsby”.

Key words: Fitzgerald, Gatsby, American dream, paradox.

Несмотря на то, что «Американская мечта» является одним из наиболее часто употребляемых в американской литературе концептов, крайне трудно найти для него более или менее четкие определения. В связи с этим, как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении, наблюдается повышенный интерес к этому понятию. Среди последних исследований, посвященных этой проблеме, можно отметить монографии Эдуарда Яковлевича Баталова «Русская идея и американская мечта» [2], Екатерины Александровны Стеценко «Судьбы Америки в современном романе США» [6] а также исследования автора Jim Cullen «The American Dream: A Short History of an Idea That Shaped a Nation» [8].

* © Савинич С.С.